

Е. В. Петрухина, Ли Чжухонг

**МОДАЛЬНОСТЬ ГЛАГОЛЬНЫХ ФОРМ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. С. 72-87.**

В данной статье на корпусном материале анализируются разные типы модальных значений глагольных форм будущего времени в русском языке, зависимость их выражения от межкатегориальных связей изучаемых форм, условия ослабления модальности. Рассматривается дискуссионный вопрос о статусе будущего времени.

Ключевые слова: русский язык, будущее время, модальность, межкатегориальные связи

In this article, variable types of modal meaning of Russian future tense form, its dependency on inter-categorical connections of tense forms and condition of modality attenuation are analyzed. This article takes up the issue of debatable questions about a status of future tense.

Key words: Russian language, future tense, modality, inter-categorical connections

1. Статус будущего времени

Будущее время с точки зрения соотношения темпоральных и модальных значений включает в себе парадокс: будущее соприкасается с моментом речи и настоящим временем, но не является полностью принадлежащим реальности. «Думая о будущем, человек гадает о грядущих событиях, но не всегда угадывает. Поэтому будущее постоянно взаимодействует с модальными категориями» [Арутюнова, 2011: 10]. Двойственная темпорально-модальная природа будущего, имеющая разнообразные проявления, отмечается многими исследователями [Lyons, 1977: 677-678; Арутюнова, 2011: 6-11]. В.А. Плунгян считает, что будущее выходит за рамки категории времени, так как во многих языках показатели будущего могут сочетаться с показателями прошедшего времени в одной форме (как в английской форме «будущего в прошедшем» *would come*), нарушая тем самым признак взаимоисключения граммем одной категории [Плунгян, 2000: 107, 115, 269]. Кроме того, среди современных языков есть целый ряд таких, в которых будущее время вообще не имеет грамматического выражения, а категория времени состоит из двух граммем — прошедшего и непрошедшего (граммемы непрошедшего времени могут описывать и ситуации будущего). К таким языкам относятся, в частности, японский и корейский языки, в которых для выражения будущих действий могут использоваться формы наклонений [Трофименко, 2006: 72]. Поэтому В.А. Плунгян допускает описание бу-

дущего времени «как элемента самостоятельной грамматической категории (модальной или таксисной)» [Плунгян, 2000: 273]. Однако, по нашему мнению, такая трактовка будущего времени для русского языка неприемлема.

Формы будущего времени в русском языке не имеют в своем составе формальных показателей, восходящих к модальным глаголам, в отличие, например, от английского языка, где формы будущего времени развились на основе свободных сочетаний модальных глаголов (*shall, will*) с инфинитивами [Логунов, 2007: 14]. В истории русского языка становление аналитической формы сложного будущего времени было связано с вытеснением вспомогательных глаголов *имамь, начну, хочу, стану* модально нейтральной формой *буду* [Историческая грамматика, 1982: 110, 130]. Формы будущего времени в русском языке могут употребляться и без модальных значений (такие случаи анализируются в разделе 3.3 данной статьи).

Будущее время в грамматических описаниях русского глагола с точки зрения отношения обозначаемого действия к действительности не противопоставлено настоящему и прошедшему временам. Все три времени в рамках изъявительного наклонения интерпретируются как реальные. «Изъявительное наклонение указывает на реальность глагольного действия в настоящем, прошлом или будущем» [Клобуков, 2009: 528]. Тем не менее изъявительное наклонение, как отмечал В.В. Виноградов, богато модальными значениями, которые выражают модальные слова и частицы, сопутствующие формам изъявительного наклонения. «Модальные слова и частицы могут превратить значение прямого утверждения или отрицания факта, присущее изъявительному наклонению, в значение недостоверности, сомнительности, даже ирреальности действия» [Виноградов, 1972: 447-448].

Для определения статуса будущего времени в русском языке важно также учитывать, что форма простого будущего (типа *забудет, скажет*) может выражать в особых условиях контекста также значение обобщенного настоящего [Петрухина, 2009: 118]. Поэтому В.В. Виноградов называл ее формой «настоящего-будущего» [Виноградов, 1972: 451-456]. Ср.: *Он иногда забудет об обещании и проговорится. Человек обычно радуется, когда увидит знакомые черты после долгого отсутствия.* Связь между будущим и настоящим сохраняется и в основном значении формы будущего совершенного вида (СВ): обозначаемое будущее действие «как бы исходит из настоящего времени, простираясь в будущее в завершительных моментах процесса, в его результате, между тем как начало действия может относиться и к настоящему времени» [Виноградов, 1972: 452]. Например: *Я напишу эту статью к*

понедельнику (сама работа над статьей может быть начата и до момента речи, речь идет лишь о ее завершении). Взаимодействие времен реализуется в значении данной формы благодаря семантике совершенного вида предельных глаголов, а именно актуализации конечной временной границы действия, его предела, достижение которого возможно только после момента речи, но начато действие может быть и раньше [Петрухина, 2015: 66–67].

Специфика будущего времени, к которому относятся действия еще не осуществленные – предполагаемые, планируемые, желаемые и др., определяет связь соответствующих глагольных форм с модальностью, на которую указывают многие исследователи будущего времени [Бондарко, 1971: 103; РГ, 1980: 636; Виноградов, 1972: 440; Петрухина, 2009: 161-162]. Ясно, что «любое суждение о будущем в принципе имеет значение предположительности, что как раз и порождает соответствующую модальность» [Радбиль, 2011: 255]. Отметим также, что формы простого будущего и в значении обобщенного настоящего связаны с модальностью, что может порождать неоднозначность темпоральной семантики этих форм. Например: *Вам каждый объяснит, как туда проехать. У него абсолютный слух, и сложную мелодию подберет.* В приведенных предложениях действия, выраженные формами простого будущего, могут интерпретироваться и как конкретные действия, осуществление которых возможно в будущем, и как узуальные потенциальные действия в рамках обобщенного настоящего. Однако во внеязыковой действительности и в языке существуют определенные условия, в которых модальные значения могут усиливаться или ослабляться. В данной статье, рассматривая будущее время в русском языке в системе изъявительного наклонения и категории времени, основное внимание мы уделяем анализу условий, влияющих на связь форм будущего времени с модальностью. Этот вопрос мы считаем недостаточно изученным в русистике.

2. Типы модальных значений форм будущего времени

Проблема модальности до сих пор не получила общепризнанного решения в современной лингвистике (анализ разных точек зрения на данную проблему см. в [Краснова, 2002; Агеева, 2006]). Мы исходим из определения модальности как функционально-семантической категории, выражающей разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого говорящим [ЛЭС, 1990: 304]. Модальность есть представление действительности с точки зрения субъекта речи, но эта точка зрения типизиро-

вана средствами данного языка [Степанов, 2004: 241-242]. Модальность связана с целым рядом модусов как субъективных переменных к объективной семантической константе предложения – диктуму, причем модусы выражаются не только эксплицитно, но и имплицитно (о диктуме и модусе см. [Балли, 2001: 69-82]). Модусы обычно представляют в модальной рамке предложения [Апресян, 1974; Вежбицкая, 1996: 68], которая может быть оформлена «в виде главного предложения в составе конструкции с диктумом в придаточном изъяснительном или в виде вводного предложения» [Краснова, 2002: 100], например: *Я уверен / Возможно / Надеюсь, что он вернется*. Модальная рамка может лишь подразумеваться и выступать как имплицитная оценка обозначаемого факта говорящим. Для ее восстановления обычно нужен более широкий контекст или знание ситуации.

В связи с анализом форм будущего времени особое значение приобретает имплицитное выражение модальных значений возможности, уверенности / неуверенности, желания, намерения, необходимости и др. С целью более конкретного определения субъективной модальности в плане будущего времени считаем целесообразным использовать семантическую классификацию модальных значений в работе Д. Ауверы и В.А. Плунгяна, в которой выделяется пять семантических областей [Auwera, Plungian, 1998], значимых и для плана будущего времени.

1) Внутренняя возможность (participant-internal possibility) или потребность, необходимость (participant-internal necessity) зависят от свойств участника события: *Boris can get by with sleeping five hours a night.* – *Борис может обходиться пятью часами сна; Boris needs to sleep ten hours every night for him to function properly.* – *Борису надо спать десять часов каждую ночь, чтобы он мог нормально работать.*

2) Внешняя возможность (participant-external possibility) или потребность (participant-external necessity) могут определяться внешними по отношению к участнику события обстоятельствами. Например: *To get to the Station, you can take bus 66.* – *Чтобы добраться до вокзала, вы можете сесть на 66-й автобус; To get to the Station, you have to take bus 66* – *Чтобы добраться до вокзала, вы должны сесть на 66-й автобус*. Внешняя возможность может быть связана с социальными или этическими нормами: *John may leave now.* – *Джон может сейчас уйти. John must leave now.* – *Джон должен сейчас уйти*¹. Оба типа возможности в логической традиции, а

---

¹ О противопоставлении интенциональной (т.е. связанной с передачей внутренних переживаний, а также качеств человека) и экстенциональной (определяемой внешними обстоятельствами) семантики модальности см. также [Краснова, 2002: 105].

также в некоторых лингвистических работах определяются как алетическая модальность, связанная с потенциями реального мира [Булыгина, Шмелев, 1997: 216].

3) Как самостоятельная область и в логике, и в лингвистике рассматривается деонтическая модальность (deontic modality), т.е. нормативная модальность долженствования: *Now you must tell a story. – Сейчас ты должен рассказать историю; He may not stay home alone. – Он не должен оставаться дома один.* Деонтическая модальность связывается «с долгом, с требованиями к поведению участников ситуации, предъявляемыми соответствующей системой правил» [Булыгина, Шмелев, 1997: 216].

4) При эпистемической модальности (epistemic modality) оценивается вероятность ситуации: *John must have arrived. – Джон, должно быть, приехал.*

5) При волитивной модальности (volitive modality) выражается намерение или желание субъекта: *Fred wants to learn French. – Фред хочет учить французский язык* [Auwera, Plungian, 1998].

Экспликаторами модальных значений разных типов в русском языке выступают модальные предикаты и вводные слова, которые выражают «самые существенные для субъекта речи эмотивно-волитивные смыслы» [Краснова, 2002: 104]. К ним относятся следующие лексические единицы: *мочь, уметь, возможно, нельзя* (возможность / невозможность – алетическая модальность), *надо, нужно, необходимо, должен, обязан* (необходимость – деонтическая модальность); *вероятно, наверняка, обязательно, (не)уверен* и др. (степень уверенности / неуверенности, вероятности – эпистемическая модальность); *собираться, хотеть, намереваться* (желание, намерение – волитивная модальность). В основной части статьи анализируется имплицитное (т.е. без поддержки лексических элементов) выражение данных значений формами будущего времени.

3. Анализ употребления форм будущего времени с точки зрения модальности

3.1. Эксплицитное / имплицитное выражение модальности

В силу специфики значения форм будущего времени, выражающих действия еще не реализованные, их употребление может сопровождаться исходящей из контекста добавочной модальной семантикой, которая во многих случаях выражается лексическими элементами контекста. Чаще всего при формах будущего лексически маркируется эпистемическая модальность: значения предположения, вероятности и уверенности / неуверенности выражают такие слова, как *наверное, пожалуй, навер-*

няка, обязательно, вряд ли, занимающие в высказывании позицию вводных слов или сирконстантов. Например: *Знаете ли что: мне кажется, генерал так влюбился, что, пожалуй, застрелится, если mademoiselle Blanche его бросит* (Ф. Достоевский). *Я, наверное, уеду скоро, в Рим поучиться* (П. Алешковский). *Письмо, наверняка, придет утром или вечером* (Ю. Даниэль). *Если кто-то может покупать не в том магазине, где все – обязательно будет там покупать. Если кто-то может лечиться в отдельной клинике, обязательно будет там лечиться* (А. Солженицын).

Волитивная и деонтическая модальность, а также все типы возможности или потребности при глагольных формах будущего времени, как правило, не выражаются специальными лексическими средствами, так их показатели, входя в предикатную группу, непосредственно сочетаются с инфинитивом (ср. *Я должен / обязан / хочу/ собираюсь / могу вам помочь*). При формах будущего времени эти типы модальности могут быть выражены имплицитно, как результат взаимодействия значения формы и контекста. Чаще всего выражается намерение и возможность. В нашей произвольной выборке примеров из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) (100 эксерпций, содержащих около 137 форм будущего времени) не встретились случаи употребления форм будущего времени, четко выражающих деонтическую модальность. Лишь в нескольких предложениях можно усмотреть выражение долженствования как закономерной зависимости между двумя ситуациями. Например: *Слог вашего описания будет зависеть от впечатления, которое произвело на вас это событие* (В.Г. Белинский). Десять информантов (о них см. ниже), опрошенных в связи с данным предложением, определили его модальную окраску по-разному: лишь двое – как долженствование, шесть человек – как неизбежность или уверенность (что также связано с закономерной связью между событиями), двое не увидели в нем модальной окраски. А в специальной выборке примеров из научных, официальных и профессиональных текстов (при помощи поисковой системы Google) такие употребления не редкость – формы будущего времени выражают долженствование как закономерную, нормативную связь между двумя явлениями: одно должно вызвать другое. Например: *Уменьшение критической массы будет наблюдаться при увеличении плотности вещества*. Наглядно синонимию форм будущего времени и конструкций с модальным словом *должен* демонстрируют утверждение новых стандартов и правил должностными лицами. Например, в следующем отрывке представлено синонимическое употребление конструкций *должны будут иметь / будут иметь*: *С 2015 года все школьные учебники должны будут иметь элек-*

тронную версию с возможностью интерактивного использования информации. Об этом, со ссылкой на заявление министра образования и науки России Дмитрия Ливанова, сообщает Интерфакс: «С 2015 года все учебники **будут иметь** мультимедийную версию со всеми интерактивными сервисами, которые необходимы для учебных действий». Во второй части этого отрывка преобладают сложные формы будущего времени модальной конструкции с *должен*, которые без изменения смысла высказывания могут быть заменены на формы аналитического будущего. Структура электронных учебников **должна будет соответствовать** (ср. будет соответствовать) *их бумажному аналогу*, в них **должно будет включаться** (ср. будет включаться) *достаточное количество мультимедийных и интерактивных элементов* (<http://www.zelao24.ru/>).

В выборке из 100 эксцерпций встретилось всего одно предложение, в котором формы будущего времени выражают внутреннюю возможность как способность субъекта выполнить действие: *Кто не способен на этот подвиг, тот ничего не сделает и ничего не скажет человечеству* (В.С. Соловьев). Ср. также пример из другой подборки: *Передал ему копию надписи на плите; в компании с китайцами он **справится** с нею и... отлично **переведет** на русский язык* (П.К. Козлов). В данных предложениях есть косвенные показатели, определяющие связь реализации действий в будущем со свойствами и способностями их производителей, – *способен, справится, отлично*. Примеров на выражение возможности, определяемой внешними факторами, в нашей подборке встретилось больше – шесть. Ср.: *Скажу наборщикам, и вы **не получите** оттиска* (К. Чуковский). *Полно, Зоя, перестань – ведь слезами ты **не сможешь*** (А.Н. Апухтин).

3.2. Соотношение типов модальности

По нашим наблюдениям, формы будущего времени чаще связаны с эпистемической модальностью, прежде всего с уверенностью в осуществлении действия. Из ста произвольно выбранных примеров употребления форм будущего времени из НКРЯ эпистемическая модальность выражалась в 45 случаях, возможность – в 7, волитивная модальность – в 34, 14 предложений мы определили как не имеющие модальной окраски. И хотя подсчеты эти приблизительные, так как границы между разными модальными типами нечеткие, все же они выявляют тенденции в распределении модальной окраски форм будущего времени.

Приведем несколько предложений, в которых выражается уверенность в

осуществлении действий в будущем: *Без горького, постоянного труда не бывает художников... а трудиться, думал я, глядя на его мягкие черты, слушая его неспешную речь – нет! **трудиться ты не будешь, сдаться не сумеешь*** (И.С. Тургенев). *Верю и всегда **буду верить**, что добродетель свойственна человеку и что он сотворен для добродетели* (Н. М. Карамзин). Преобладание уверенности при имплицитном выражении эпистемической модальности соответствует общей закономерности: когда говорящий высказывается о будущем (*Завтра я пойду в театр. Через неделю мы уедем*), он обычно выражает уверенность в том, что это действие совершится [Радбиль, 2011: 254]. А неуверенность, сомнение, как правило, требует лексической экспликации – вводных слов типа *наверное, возможно*.

Данные выводы о реализации модальных значений при формах будущего времени подтверждает и опрос информантов, в качестве которых выступили студенты 2-го курса филологического факультета МГУ, которым было предложено для интерпретации одиннадцать произвольно выбранных высказываний с формами будущего времени. В предложениях (1), (2) и (3) из двенадцати информантов десять определили модальную окраску форм будущего времени как ‘уверенность’: (1) *Через неделю **вернусь**, не переживай, что со мной может случиться!* (Е. Гришковец); (2) *Быть художником... Без горького, постоянного труда не бывает художников... а трудиться, думал я, глядя на его мягкие черты, слушая его неспешную речь – нет! **трудиться ты не будешь, сдаться не сумеешь*** (И.С. Тургенев); (3) *Они **найдут и разыщут** вас всюду, **прервут сон, оторвут** ваше внимание от работы, от интересной книги...* (Н. А. Тэффи). Трое информантов из десяти восприняли третье предложение как угрозу или предупреждение в связи с неизбежным и, по всей видимости, нежелательным действием. Двое информантов усмотрели в первом предложении долженствование, вероятно потому, что с тем же значением возможно употребление конструкции с модальным словом *должен*, ср.: *Через неделю я **должен вернуться***. Эта конструкция выражает меньшую степень уверенности говорящего в реализации действия в сравнении с исходным вариантом.

По отношению к примеру (4) мнения разделились, семь информантов увидели здесь уверенность, пятеро – предположение или вероятность, ср.: (4) *Сушину рубит и долго ещё **провозится**. Ведь надо её срубить, потом ветки обрубить, потом к избушке **притащить*** (Ю. Коваль). Сходная картина неопределенности модальной семантики уверенности / неуверенности или опасения возможного действия проявилась и при интерпретации предложения (5): *Какой **противный** этот крокодил!*

Я даже испугалась, ещё кокетливее пролетела Елена Ивановна, – теперь он мне будет сниться во сне (Ф.М. Достоевский). Подобные предложения показывают, что восприятие высказывания с точки зрения степени выраженной уверенности / неуверенности в осуществлении действия может варьироваться в зависимости от общего контекста (а в ситуации реального диалога – от интонации, которая в данной статье не может быть учтена).

В примере (6), состоящем из двух предложений, большинство опрошенных отметило усиление уверенности во вставных предложениях. В придаточном предложении с союзом *если* выражено потенциальное, возможное действие, а в остальных частях (в том числе и в придаточном времени) – потенциальные действия, в осуществлении которых говорящий уверен: (6) *Если Бонапарт будет идти так (а он будет идти так), то через три, от силы четыре недели достигнет порога моего дома. Когда он явится (а миновать Липеньки он не сможет), я буду кормить его обедом в большой зале* (Б. Окуджава).

В предложении (7) все двенадцать информантов определили имплицитно выраженную невозможность совершить действие, обусловленную внешними обстоятельствами: (7) *Кроме немногих ракут, всегда готовых к услугам, да двух-трёх тощих берёз, деревца на версту кругом не увидишь: изба лепится к избе, крыши закиданы гнилой соломой* (И.С. Тургенев). Это такой тип употребления, при котором совмещаются значения будущего времени и настоящего обобщенного: на основе личного опыта говорящего делается вывод о невозможности осуществить действие вообще, а значит и в конкретный момент в будущем. Ср. также: *Прощаясь со мной после моего выступления в Ашкелоне, устроители вечера вежливо посетовали, что в темноте не покажешь города* («Октябрь». № 8. 2001). В данном предложении выражено общее утверждение, что в темноте вообще нельзя показать город и соответственно его нельзя показать в конкретное ночное время в ближайшем будущем – при таком употреблении настоящее обобщенное смыкается с будущим.

В двух предложениях десять информантов определило волитивную модальность – намерение: (8) *Буду отвечать вам по пунктам, как говорят подъячие* (А. С. Пушкин); (9) *Дмитрий Павлович внимательно прочел письмо и спросил: «Напишешь ему?» – «Нет, – ответила Софья Яковлевна, – терпеть не могу переписываться»* (Б. М. Левин). Ср. также выражение намерения в следующих предложениях: *Я не буду с тобой спорить, потому что ты всё равно не прав* (Запись LiveJournal, 2004); *Скажите мне, что я должна читать? скажите, что я должна*

делать? *Я все буду делать, что вы мне скажете, – прибавила она, с невинной доверчивостью обратясь ко мне* (И. С. Тургенев).

В примере (10) большинство информантов отметило несколько взаимосвязанных модальных значений форм простого будущего: неуверенность в будущих действиях, желание их осуществить, надежду на это: (10) *Мы уедем? Ведь мы завтра уедем? – приходило ей вдруг беспокойно в голову, – ну... (и она задумалась) – ну, а догоним мы бабушку, как ты думаешь? В Берлине, я думаю, догоним* (Ф. М. Достоевский). Комплекс модальных значений выражается и в следующем примере (из нашей подборки) с формами простого и аналитического будущего: *Мы здесь заживем дружно, верно? ... Как в самом начале. По вечерам будем читать, разговаривать ... Будем?* (А. В. Вампилов).

Думая о будущем, человек намеривается сделать что-то, даже обещает, но не всегда выполняет свои обещания, выражает уверенность в осуществлении действий, но часто ошибается. На противопоставлении высоких намерений-обещаний, в реализации которых покидающий Россию писатель не сомневался, и обыденной реальной жизни в эмиграции построен гротескный «рассказ в рассказе» «Трагедия русского писателя» А. Аверченко, тяжело переживавшего свою собственную эмиграцию в отрыве от русского языка и культуры. Приведем небольшой отрывок из рассказа, в котором употреблены формы будущего времени, выражающие обещание говорящего не забыть Родину и уверенность в осуществлении своих намерений (деонтическая модальность сочетается с эпистемической) :

Русский пароход покидал русские берега, отправляясь за границу. Опершись о борт, стоял русский писатель рядом со своей женой и тихо говорил: – Прощай, моя бедная, истерзанная родина... И на чужбине я буду помнить твои маленькие церковки и зеленые монастыри, буду помнить тебя, холодный красавец Петербург, твои улицы, дома, буду помнить «Медведя» на Конюшенной, где так хорошо было запить растегай рюмкой рябиновой. На всю жизнь врежешься ты в мозг мой — моя смешная, нелепая, бесконечно любимая Россия!

Как известно, уже через несколько лет жизни в Париже этот писатель в эмиграции забыл о своих обещаниях, забыл «любимую Россию», утратив и способность писать на русском языке.

3.3. Ослабление модальности

В определенных условиях контекста модальность форм будущего времени в русском языке может ослабляться. Основным условием такого ослабления является ориентация действия не только или не столько на момент речи, сколько на какую-нибудь другую точку отсчета, функцию которой обычно выполняет другое действие. Так, в сложноподчиненных предложениях с придаточным условия действие главного ориентировано на потенциальное действие придаточного, и в этой ориентации модальная окраска главного действия, как правило, ослабевает. Например: *Если он будет плыть со скоростью 36 километров в час, то каждые 5 минут температура тела будет повышаться на один градус* («Юный натуралист»). *Если он придет, ты познакомишься с ним ближе* (Ю. Трифонов). *Если он побежит за мной в лес, я не стану убежать* (В. Аксенов).

В сложных предложениях с придаточным времени союз *когда* указывает на интерпретацию действия говорящим как реального, что обуславливает отсутствие модальных смыслов и в восприятии действия в главной части. Например: *Когда апрель настанет, то растут почки в многочисленных садах вокруг Арбата, и зеленое благословение выльется – душистым, милым опереньем* (Б.К. Зайцев); *Когда вы начнете надувать шарик, нарисованные «галактики» будут расходиться все дальше и дальше одна от другой* («Наука и жизнь», 2008); *Отмеченный парадокс станет очевиднее, когда мы сопоставим результаты еще двух опросов* (Э. Щербенко).

Наш материал показал, что формы будущего времени чаще используются в сложных предложениях с придаточными условными, чем с придаточными времени. В НКРЯ соотношение употреблений форм будущего времени в предложениях с союзом *если* и *когда* составляет 76 956 к 48 973, что свидетельствует о преобладании восприятия будущих действий как потенциальных (с *если*). По всей видимости, предпочтение отдается обозначению будущих действий в речи в рамках имплицатур 'если А, то Б' (здесь уместно вспомнить известную формулу Л.Н. Толстого «если буду жив», которую он вставлял в свои письма и дневники).

Если речь идет о нереперентном употреблении глагольных форм, то временные отношения между действиями в сложноподчиненном предложении устанавливаются в рамках соответствующего текста, что также способствует ослаблению модальности форм будущего времени. Такое употребление данных форм особенно характерно для научных и специально-профессиональных текстов. Например: *При организации коррекционной работы дефектолога встает вопрос о необходимости*

создания таких условий обучения детей, при которых **будут формироваться** произвольность и способность к волевому усилию (Вопросы психологии, 2004). Очевидно, если программные продукты для проектирования и исполнения бюджета **будут совместимы** между собой, это **стимулирует** продвижение каждого из них (Computerworld, 2004).

Отсутствует модальность и при относительном употреблении форм будущего времени в контексте прошедшего времени, когда они, выражая следование по отношению к действию в прошлом, выражают «будущее в прошедшем». Например: ***Пройдет** почти 40 лет – и старик Тургенев, потерявший родину, молодость, почти всех близких, но сохранивший верность однажды избранному ориентиру, **будет молча плакать** в парижской церкви русского посольства – во время благодарственного молебна за Государя Александра Николаевича, объявившего февральский Манифест 1861 года* (А. Архангельский).

3.4. Межкатегориальные связи

Приведенный языковой материал показывает, что модальные значения возможности, степени уверенности в совершении будущих действий (эпистемическая модальность), намерения и желания совершить действие (волитивная модальность), долженствования как закономерной связи двух ситуаций (деонтическая модальность) могут быть выражены глаголами обоих видов, различия в их соотношении незначительны. Без модального значения также могут быть употреблены как глаголы СВ, так и НСВ, но в нашей подборке больше примеров на формы простого будущего. Связь типов модальности с видом глаголов требует дополнительного изучения на более обширном материале. В целом же в НКРЯ значительно более частотны формы простого будущего (всего 2 596 093 употреблений), чем формы аналитического будущего (180 894), при этом надо учитывать, что часть форм простого будущего употреблена в значении обобщенного настоящего.

Более определенная зависимость выражения модальных значений при употреблении форм будущего времени выявляется от форм лица. Статистический анализ употребления форм будущего времени в НКРЯ в зависимости от формы лица показал, что наибольшей частотностью обладают формы 3-го лица. Приведем данные отдельно по формам простого и аналитического будущего. Соотношение употреблений форм аналитического будущего по лицам таково: 1-е лицо – 50 098 форм, 2-е лицо – 15 737, 3-е лицо – 115 059. У простого будущего также более частотны

формы 3-его лица: 1-е лицо – 701 230, 2-е лицо – 331 563, 3-е лицо – 1 563 300.

В 100 произвольно выбранных в НКРЯ примерах на употребление форм будущего времени связь типов модальности с формой лица такова:

модальное значение	1-ое лицо	2-ое лицо	3-е лицо
<i>волитивная модальность</i>	29 (83%)	4 (27%)	1 (2%)
<i>возможность</i>	1 (3%)	4 (27%)	2 (4%)
<i>эпистемическая модальность</i>	4 (11%)	5 (33%)	36 (72%)
<i>без модальных значений</i>	1 (3%)	2 (13%)	11 (22%)

Мы видим, что волитивная модальность чаще выражается в формах 1-го лица, эпистемическая модальность – в формах 3-го лица. Употребление форм будущего времени без модальных значений чаще встречается также в формах 3-его лица. Соотношение форм лица при выражении возможности требует изучения на более обширном материале. В дальнейшем исследовании данной проблематики мы намереваемся проверить обнаруженные тенденции межкатегориальных связей в области модальности на дополнительных произвольных выборках употреблений форм будущего времени.

4. Вместо заключения

В данной статье мы не затрагивали сложную когнитивную проблему восприятия будущего (как реальности, обусловленности или гипотетичности) в зависимости от индивидуальных особенностей человека и его жизненной философии. Как мы уже отмечали, в русской речи возможно выражение волитивной модальности в плане будущего времени при помощи конструкций *я хотел бы, хочет, собираюсь, собирается*. Но наше исследование показало, что в НКРЯ сочетание формы настоящего времени глагола *собираться* с инфинитивом встречается всего 8035 раз. В связи с этим возникает вопрос, который сформулировал Т.Б. Радбиль. «Почему, располагая огромными системно-языковыми возможностями в выражении самых разнообразных оттенков и нюансов объективной и субъективной модальности, говорящий стабильно выбирает форму будущего в изъявительном наклонении независимо от того, модальное или фактивное значение будущего он предполагает выразить?» [Радбиль, 2011: 262]. У нас нет исчерпывающего ответа на этот не только

лингвистический, но и философский вопрос, мы можем сделать лишь одно предположение. Даже тот небольшой языковой материал, который проанализирован в данной статье, свидетельствует о взаимодействии разных модальных смыслов при употреблении форм будущего времени (возможности и вероятности; желания, намерения и уверенности / неуверенности; необходимости и долженствования и т.д.), которые тем не менее, оставаясь в рамках изъявительного наклонения, не утрачивают связь с реальностью – с настоящим временем и моментом речи. ИмPLICITное выражение изучаемыми глагольными формами взаимодействующих модальных интерпретаций еще не осуществленных действий, по всей видимости, отражает сложное отношение говорящего к будущему в русской языковой картине мира.

Список литературы

- Агеева И. В.* К вопросу о языковой категории модальности. Текст. // Актуальные проблемы лингвистики XXI века: сборник статей по материалам международной научной конференции. Киров, 2006.
- Апресян Ю. Д.* Значение и оттенок значения. М., 1974.
- Арутюнова Н. Д.* Будущее в языке. // Логический анализ языка. Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее. М., 2011.
- Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 2001.
- Булгыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.
- Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972.
- Историческая грамматика русского языка.* Морфология. Глагол. М., 1982.
- Клобуков Е. В.* Наклонение. // Современный русский литературный язык / Под ред. П. А. Леканта. М., 2009.
- Краснова Т. И.* Субъективность – модальность (материалы активной грамматики). СПб., 2002.
- Лингвистический энциклопедический словарь.* / Гл. редактор В. Н. Ярцева. М., 1990.
- Логунов Т.А.* Аналитические формы будущего времени как лингвистический феномен: на материале английского и русского языков. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2007.
- Петрухина Е. В.* Русский глагол: категории вида и времени. М., 2009.

- Петрухина Е. В.* Концептуальный потенциал категории настоящего времени в русском языке: Междисциплинарный подход // Вопросы когнитивной лингвистики №3. 2015.
- Плунгян В. А.* Общая морфология. М., 2000.
- Радбиль Т. Б.* Будущее как факт и будущее как модальность в парадигме «реальность ↔ текст». // Логический анализ языка. Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее. М., 2011.
- Степанов Ю. С.* Имена, предикаты, предложения (семиологическая грамматика) / Под ред. Ю. Н. Караулова. М., 2004.
- Трофименко О. А.* Выделение показателей категории наклонения в корейском языке. / Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. №20. Т. 3. 2006.
- Auwera J. V., Plungian V. A.* Modality's semantic map. // Linguistic Typology 2. 1998.
- Lyons J.* Semantics. Vol. 2. Cambridge, 1977.

Сведения об авторах:

Петрухина Елена Васильевна, докт. филол. наук, профессор кафедры русского языка филол. ф-та МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: elena.petrukhina@gmail.com Тел.: (499) 1331613.

Ли Чжухонг, аспирант кафедры русского языка филол. ф-та МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: kalos365@naver.com Тел.: (916) 9360099